МАЙ. 1895.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

БИБЛІОТЕКА
П. 1 р. 50 к.
1895 г.
Н. А. КОРНИЛОВИЧА

№ 5.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія Б. М. Вольфа, Фонтанка 92.
1895.

СОДЕРЖАНІЕ.

		Стран.
1.	Въ глухихъ мѣстахъ. Очерки. *Н. А. Лухмановой*	5— 29
2.	Почему уменьшается народонаселеніе Франціи. Окончаніе. *М. N.*	30— 49
3.	Старая дѣва. Романъ *А. Е. Гольдберсъ*. Переводъ съ англійскаго. Окончаніе.	50— 72
4.	Портретъ. Стихотвореніе. *П. И.*	73— 74
5.	Солдатъ Антипъ и жена его Пелагея. Разсказъ. *Д. А. Абольдяева.*	75—116
6.	Сестрѣ. Стихотвореніе. *П. Я.*	117—119
7.	На хуторѣ. Очеркъ. *И. Бунина.*	120—125
8.	Эволюція философіи и философскія «переживанія». *В. В. Лесевича*	126—160
9.	Студенты. (Изъ семейной хроники). *Н. Гарина.* Продолженіе	161—194
10.	Податные очерки. Оренбургская губернія. *П. Голубева.*	1— 26
11.	Новыя книги:	
	Почвикъ. Сборникъ общества любителей россійской словесности.—К. М. Станюковичъ. Отверженные. Романъ.—Н. Е. Данилевскій. Чувство и жизнь.—Федоръ Шперъ. Философія индивидуальности.—Труды V съѣзда общества русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова.—Библіотека экономистовъ. Адамъ Смитъ. Изслѣдованія о богатствѣ народовъ.—Горнъ. Джонъ Ло. Опытъ изслѣдованія по исторіи финансовъ.—Александръ Миклашевскій. Деньги. Опытъ изученія основныхъ положеній экономической теоріи классической школы въ связи съ исторіей денежнаго вопроса.—Эрнестъ Магаймъ. Профессіональные рабочіе союзы.—Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи. Е. Лихачевой.—Новыя книги, поступившія въ редакцію	27— 51

См. на оборотѣ.

СТРАН.

12. Просвѣтительная утопія. Планъ всенароднаго обязательнаго средняго образованія. *С. Н. Южакова.* 52— 77
13. Литература и жизнь. *Н. К. Михайловскаго.* . . . 78—102
14. Изъ Германіи. *А. К.* . . . . . 103—113
15. Изъ Австріи. *Л. В. Василевскаго* . . . . . 114—128
16. Изъ Англіи. *Ав.* . . . . . 129—143
17. На высотахъ объективной истины. (Н. Бельтовъ. Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію). *Н. Кудрина.* . . . . . 144—170
18. Изъ современной хроники. *С. Н. Южакова.* . . . 171—197
19. Извлеченіе изъ отчетовъ секретаря и казначея литературнаго фонда.
20. Отъ конторы «Русскаго Богатства».
21. Объявленія.

На высотахъ объективной истины.

(Н. Бельтовъ. Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію. Отвѣтъ гг. Михайловскому, Карѣеву и комп. С.-Петербургъ, 1895).

Saepe minus peccat, si scias quod nescias.

Publius Syrus.

I.

Книга г. Бельтова говоритъ о значеніи экономики въ общественной жизни и, въ частности, о русскомъ капитализмѣ. Бойко написанная, она развертываетъ очень опредѣленную—марксистскую—точку зрѣнія и показываетъ въ авторѣ довольно значительную начитанность по вопросамъ, прямо или косвенно относящимся къ теоріи Маркса и ученію Гегеля, двухъ наиболѣе симпатичныхъ автору мыслителей. Г. Бельтовъ, вѣроятно, человѣкъ молодой; его имя, если не ошибаюсь, встрѣчается впервые. Но опредѣленность міровоззрѣнія и умѣнье аргументировать могли бы выгодно выдѣлить первый опытъ г. Бельтова изъ нашей теперешней вялой, сѣрой, киселеобразной литературы, не будь въ немъ отрицательныхъ, очень неказистыхъ сторонъ. Это—поразительная самоувѣренность автора, непріятно личный тонъ его полемики, а, главное, чисто адвокатское отношеніе къ предмету. Г. Бельтову важно произвести извѣстное впечатлѣніе на читателя, убѣдить послѣдняго, что устами автора говоритъ сама истина, сама «наука». И для достиженія этого результата онъ порою довольно безцеремонно обращается и съ истиной, и съ наукой. Противъ этого то адвокатскаго пріема, этой-то оптической иллюзіи мнимой научности и не мѣшаетъ предостеречь молодыхъ и увлекающихся читателей, на которыхъ могутъ подѣйствовать самоувѣренность, задоръ и щеголянье цитатами...

Авторъ, страстный марксистъ, раздѣляетъ обычные недостатки этой школы и въ полемикѣ прибѣгаетъ зачастую къ очень сомнительнымъ пріемамъ аргументаціи. Кто не соглашается съ его поло-

женіями, тотъ, по его мнѣнію, или нарочно передергиваетъ, пускаетъ въ ходъ «субъективный пріемъ» (стр. 91), или же глупъ и не можетъ «превзойти ту мѣру пониманія, которая отпущена ему благодѣтельной натурой» (168). Нѣсколько разъ горячій авторъ стыдитъ своихъ противниковъ тѣмъ, что они незнакомы съ литературой вопроса, знаютъ его изъ вторыхъ рукъ, а то и по наслышкѣ, что они не читали того-то и того-то въ подлинникѣ: «браво адвокатъ», готовъ воскликнуть я. Но когда г. Бельтовъ даетъ понять, что онъ есть именно настоящій ученый, что онъ все прошелъ по «подлинникамъ», когда онъ торжественно, на самомъ полѣ брани своей съ «гг. Михайловскимъ, Карѣевымъ и комп.» посвящаетъ въ рыцари и соратники по марксизму г. Струве, поощрительно взывая къ нему: «впередъ, наука» (286), то, право же, это комично...

Будто ужъ самъ г. Бельтовъ такъ таки всегда опирается на первоисточники, прочиталъ и продумалъ всѣхъ авторовъ, которыхъ цитируетъ? Я укажу прежде всего на нѣсколько довольно крупныхъ оплошностей столь строгаго къ другимъ автора, оплошностей, которыхъ я не выискивалъ, а на которыя наткнулся случайно: нельзя же въ самомъ дѣлѣ рыться во всѣхъ авторахъ, упоминаемыхъ г. Бельтовымъ, и сличать подлинники съ выборками...

На стр. 134 авторъ говоритъ, что въ рабовладѣльческихъ обществахъ Греціи и Рима естественно долженъ былъ презираться всякій физическій трудъ и даже такой умственный, который направленъ на механическія изобрѣтенія. Въ подтвержденіе этой мысли онъ приводитъ слѣдующую цитату изъ Плутарха, для вящшей учености указывая даже страницу тейбнеровскаго изданія греческаго текста, съ котораго якобы онъ и перевелъ ее: «Основателями (*этой механики*)... явились Эвдоксъ и Архитъ, которые дали геометріи болѣе пестрое и интересное содержаніе, *мнорируя ради* непосредственно осязаемыхъ и технически важныхъ примѣненій этой науки ея отвлеченныя и недоступныя графическому изображенію проблемы» и т. д. (прим. 1). Прошу теперь читателя сравнить съ этимъ «научнымъ» переводомъ мой простой переводъ, которому я позволю себѣ приписать лишь одно достоинство: вѣрность подлиннику. «Этой *любимой и славной механикой* начали впервые заниматься Эвдоксъ и Архитъ, разнообразя геометрію прикрасами и *рѣшая при помощи* доступныхъ чувствамъ механическихъ приспособленій тѣ задачи ея, которыя трудно поддаются чисто логическому и геометрическому доказательству».

Я не буду придираться къ отдѣльнымъ словамъ: каждый переводитъ болѣе или менѣе по своему. Но въ переводѣ г. Бельтова есть два прямыя искаженія: во-первыхъ, Плутархъ говоритъ не просто объ «этой механикѣ», а о «любимой и славной механикѣ»; во-вторыхъ, дѣло идетъ не объ *игнорированіи* абстрактныхъ задачъ *ради* техническихъ приспособленій, а о *рѣшеніи* первыхъ *при помощи* вторыхъ. Знаете, читатель, что изъ этого слѣдуетъ? Слѣдуетъ,

что г. Бельтовъ взялъ цитату не въ самомъ текстѣ Плутарха, а случайно напалъ на плохой ея переводъ въ какой нибудь книжкѣ. Цитата эта показалась ему удобною для приданія ученаго вида его размышленіямъ, онъ и отыскалъ соотвѣтствующее мѣсто въ тейбнеровскомъ изданіи, но путемъ его онъ не прочелъ, а проставилъ лишь страницу изданія. И это несомнѣнно для всякаго, кто дѣйствительно знаетъ греческій. Въ тейбнеровскомъ изданіи стоитъ именно не «игнорируя» (ὑπεριδόντες), а «поддерживая», т. е. рѣшая (ὑπερείδοντες). Переводъ г. Бельтова имѣлъ бы хоть какое нибудь основаніе, если бы онъ сдѣлалъ его по первому варіанту. Но варіантъ этотъ давно отброшенъ филологической критикой, отброшенъ и въ тейбнеровскомъ изданіи, и цитата г. Бельтова, очевидно, взята изъ вторыхъ рукъ, которыя, вѣроятно, тоже подхватили ее гдѣ нибудь, въ концѣ концовъ, въ какомъ нибудь допотопномъ изданіи.

Еще стыднѣе, уже не для учености, а для добросовѣстности автора попытка выбросить эпитеты «любимая» и «славная», которые Плутархъ прилагаетъ къ слову «механика». Для чего г. Бельтову понадобилось это искаженіе? Да для того, чтобы цитата, приведенная въ примѣчаніи, не противорѣчила мысли автора въ текстѣ. Въ самомъ дѣлѣ: механика—вещь довольно низкая — и вдругъ у самого Плутарха: «любимая и славная». Вотъ г. Бельтовъ и расправился съ греческимъ подлинникомъ по своему.

Не менѣе сомнительно, чтобы авторъ дѣйствительно читалъ книгу Корройе, на которую ссылается въ подтвержденіе всеобщаго значенія экономики. Прочти онъ ее, онъ не написалъ бы слѣдующей фразы (см. прим. 1 на стр. 200): «Казалось бы, какое отношеніе къ борьбѣ классовъ имѣетъ исторія такого искусства, какъ, положимъ, архитектура, а между тѣмъ и она тѣсно связана съ этой борьбой. См. Эд. Корруайе (Корройе, г. Бельтовъ!): «L'architecture gothique», особенно въ четвертой части: «L'architecture civile». Читатель можетъ «смотрѣть» и вообще, и «особенно» эту книгу: того, что нашелъ въ ней г. Бельтовъ, онъ не найдетъ, разумѣется, если не будетъ дѣлать невозможныхъ натяжекъ и истолковывать слова въ самомъ невѣроятномъ смыслѣ. Авторъ, котораго упоминаетъ г. Бельтовъ,—Ed. Corroyer—хорошій архитекторъ, но плохой археологъ, не знающій путемъ даже времени постройки описываемыхъ имъ монументовъ, за исключеніемъ, если не ошибаюсь, реймскаго собора. Въ своей книжкѣ (Paris, 1891) онъ хочетъ доказать происхожденіе готической арки отъ одной изъ частей купола — вотъ весь смыслъ его сочиненьица. А въ четвертой главѣ разсматриваются со спеціальной точки зрѣнія зданія вродѣ запасныхъ магазиновъ, госпиталей, ратушей и пр., и общія разсужденія,—крайне скудныя,—объ этой свѣтской архитектурѣ сводятся, напр., къ тому, какъ сопротивленіе духовенства отдавать колокола въ распоряженіе общины для созыва собраній вынудило горожанъ строить городскія

башни съ колоколами (стр. 356), или къ тому, что архіепископскій дворецъ въ Альби построенъ настоящей крѣпостью, по причинѣ войнъ, которыя опустошали страну (стр. 369—370). Если это называется «отношеніемъ архитектуры къ борьбѣ классовъ», то почему бы не доказать этой мысли еще проще: дворецъ-крѣпость предполагаетъ пушку, пушка — войну; «стало быть», архитектура стоитъ въ тѣсной связи съ борьбой классовъ!

Крайне сомнительна показалась намъ въ «ученомъ» авторѣ и слѣдующая вещь. На стр. 131 онъ говоритъ въ примѣчаніи объ «извѣстной книгѣ фонъ-Марціуса о первобытныхъ обитателяхъ Бразиліи», въ которой-де «можно найти нѣсколько интересныхъ примѣровъ, показывающихъ, какъ важны самыя, повидимому, незначительныя особенности мѣстностей въ дѣлѣ развитія сношеній между ихъ обитателями». Конечно, ждешь, что г. Бельтовъ немедленно и процитируетъ дѣйствительно «извѣстную книгу» Martius'a Beiträge zur Ethnographie und Sprachenkunde Amerika's, zumal Brasiliens (Leipzig, 1867, 2 тома in 8). Не тутъ-то было: этой книги онъ ни здѣсь, ни въ другомъ мѣстѣ не цитируетъ, а дѣлаетъ нѣсколькими страницами далѣе (стр. 152, прим.) цитату о сарбаканѣ изъ очень мало распространеннаго этюда Марціуса, вышедшаго болѣе 60 лѣтъ тому назадъ: Von dem Rechtszustande unter den Ureinwohnern Brasiliens (München, 1832). Почему это? Потому, что на эту именно книгу ссылались случайно и спеціалисты вродѣ Зибера, Ковалевскаго, и пр. Вотъ г. Бельтовъ и постарался найти ее и, путемъ не прочти, выбрать оттуда для научности какую нибудь цитату, хотя бы о сарбаканѣ; и даже не зналъ, что этюдъ этотъ слово въ слово перепечатанъ въ дѣйствительно извѣстномъ двухтомномъ трудѣ Марціуса, появившемся 35 лѣтъ спустя. Но это важно не само по себѣ, а потому лишь, что г. Бельтовъ держалъ въ рукахъ старинный этюдъ Марціуса, но не потрудился прочитать его. Въ самомъ дѣлѣ, онъ упоминаетъ на стр. 131 о «развитіи сношеній» между племенами Бразиліи. Какъ же его, маркеиста, не поразило притомъ, что Марціусъ, говоря о «торговыхъ сношеніяхъ» — онъ, между прочимъ, называетъ ихъ «слабыми» — утверждаетъ, что въ началѣ эти сношенія «никогда не бываютъ дѣломъ племени», а лишь «отдѣльныхъ лицъ» (см. стр. 14 «извѣстнаго» г. Бельтову сочиненія)? Вѣдь нашъ авторъ, конечно, знаетъ, что, по Марксу, обмѣнъ возникаетъ какъ разъ наоборотъ между племенами, а не индивидами! И тѣмъ не менѣе онъ, вообще такой придирчивый, преспокойно проходитъ мимо этого мѣста. Какъ вы думаете, читатель, просматривалъ г. Бельтовъ «извѣстную книгу» Марціуса?

II.

Послѣ этихъ двухъ-трехъ предварительныхъ замѣчаній, характеризующихъ пріемы г. Бельтова, я перехожу къ болѣе важнымъ вопросамъ, затронутымъ въ его книгѣ.

Г. Бельтовъ всѣми силами своей сердитой души ненавидитъ «субъективный методъ въ соціологіи». Его онъ старается извести всяческими способами, и всякія средства ему хороши для этого: попался въ руки мечъ—рази благороднымъ клинкомъ; не попался—и шандалъ годится! Для дискредитированія упомянутаго метода г. Бельтовъ старается установить его неаристократическую генеалогію: субъективный методъ есть дѣтище г. Михайловскаго, г. Михайловскій происходитъ отъ г. автора «Историческихъ писемъ», сей послѣдній не то отъ Бруно Бауера, не то отъ Эдгара Бауера—все равно,—а оба брата говорили вотъ такія-то и такія-то нелѣпости, за что имъ и доставалось отъ Маркса. Ergo: субъективный методъ уничтоженъ.

Не думаю, чтобы и г. Михайловскій, и авторъ «Историческихъ писемъ» заявляли гдѣ-нибудь о томъ, что никто и никогда не сказалъ ничего подобнаго имъ, что у нихъ нѣтъ предшественниковъ. Вѣроятно, они знаютъ, что alles ist schon da gewesen, какъ говоритъ старикъ въ «Уріэлѣ Акостѣ», и что можно претендовать лишь на нѣкоторую оригинальность въ сочетаніи уже знакомыхъ вещей. Но, говоря серьезно, почему субъективный методъ происходитъ отъ братьевъ Бауеровъ, а, напримѣръ, не отъ Канта съ его «постулатами практическаго разума», или не отъ «антропологическаго» метода Фейербаха и пр., и пр.? Такой вопросъ возникаетъ у всякаго непредубѣжденнаго читателя, хотя бы даже и не изучавшаго философію въ подлинникѣ. У г. Бельтова этотъ вопросъ не возникъ, именно потому, что ему надо было лишь всячески уничтожить субъективный методъ и заговорить приятомъ читателя... И онъ, дѣйствительно, говоритъ, говоритъ: сближаетъ «критическій духъ» Эдгара Бауера съ «критической мыслью» автора «Историческихъ писемъ» (очень сильная аргументація: и тамъ, и здѣсь слово «критическій», да кстати и у Канта, и у Штрауса, и т. д., и т. д.); перескакиваетъ отъ «критически-мыслящей личности» къ «героямъ», презирающимъ «толпу» (120—121); и наконецъ, полагаетъ, что уничтожилъ русскихъ «современныхъ соціологовъ», «съ апломбомъ разсуждающихъ на ту тему, что, дескать, католикъ представляетъ себѣ ходъ историческихъ событій на одинъ ладъ, протестантъ—на другой, монархистъ на третій, республиканецъ на четвертый и что поэтому хорошему субъективному человѣку не только можно, но и должно придумать для себя, для своего душевнаго обихода, такую исторію, которая вполнѣ соотвѣтствовала бы наилучшему изъ идеаловъ» (123).

Ну, а шутки въ сторону, развѣ эта «тема» не вѣрна? Развѣ

католикъ не представляетъ себѣ связь и смыслъ («ходъ») историческихъ событій на свой ладъ, а протестантъ на свой, а буржуа еще на свой, а новаторъ опять такъ на свой? И развѣ можно быть ни протестантомъ, ни католикомъ, ни буржуа, ни новаторомъ, а какимъ то нигдѣ не существующимъ объективнымъ человѣкомъ? «Ходъ событій»! Знаете, это даже нѣсколько наивно для человѣка, изучившаго все по первоисточникамъ... Вѣдь прежде нежели изучать этотъ «ходъ», надо еще выбрать изъ безчисленной массы фактовъ явленія, имѣющія хоть нѣкоторую историческую важность, т. е. «событія». Но уже одинъ этотъ выборъ предрѣшается въ значительной степени субъективными взглядами историка. Для одного, появленіе «Капитала» должно быть занесено въ число крупныхъ историческихъ событій; другой совсѣмъ не упоминаетъ этого, а распространяется, напр., на счетъ похода русскихъ добровольцевъ въ Сербію и т. д.

Вопросъ не въ томъ, можно или должно «придумывать исторію», а въ томъ, что желаете-ли вы или нѣтъ, вы фатально создаете извѣстный взглядъ на историческія событія, устанавливаете связь между ними съ вашей точки зрѣнія. И этотъ ненавистный г. Бельтову субъективный методъ начинаетъ все больше и больше распространяться и въ Западной Европѣ. Возьмите такого писателя, какъ Іерингъ, который не любитъ лишнихъ идеальностей въ юриспруденціи, который сказалъ, какъ извѣстно: «право есть защищенный интересъ», который еще въ своемъ послѣднемъ (посмертномъ) сочиненіи *) упрекаетъ законниковъ въ томъ, что они занимаются «изложеніемъ правовыхъ нормъ, не обращая вниманія на реальную жизнь» **). И что же? Этотъ самый писатель противопоставляетъ лѣтописца, который лишь отмѣчаетъ факты, историку, который старается понять связь между ними. «Эта связь не выступаетъ въ нихъ внѣшнимъ образомъ; она покоится на умозаключеніи, которое дѣлаетъ субъектъ, и въ этомъ смыслѣ всякая истинная исторіографія (Geschichtschreibung) *субъективна*, требованіе же *объективности* отъ нея основано на игнорированіи сущности человѣческаго познанія» ***). И далѣе: «каждая эпоха приноситъ съ собой свое пониманіе, и потому прошлое принимаетъ другой видъ, чѣмъ оно имѣло раньше. Прошлое постоянно оставалось тѣмъ же самымъ, отклоняющаяся же картина его должна быть исключительно поставлена на счетъ субъективнаго момента: общаго пониманія эпохи и индивидуальнаго пониманія самого историка. Новый міръ отбрасываетъ свое отраженіе на прошлое, многія вещи, которыя принадлежатъ лежащему

---

*) Ihering, Die Entwickelungsgeschichte des Römischen Rechts; Leipzig, 1894.

**) l. c., стр. 9.

***) l. c., стр. 1.

далеко за нами періоду человѣчества, сдѣлались понятными только въ настоящее время» *).

Послѣднее замѣчаніе въ особенности вѣрно и тонко. Да, многія вещи могутъ быть поняты только въ извѣстный моментъ, и не потому даже, чтобы ихъ вообще нельзя было понять раньше, а потому, что на нихъ не останавливались, не было *потребности* изучать ихъ. Возьмите изслѣдованія о первобытномъ строѣ, о первобытныхъ семейныхъ и экономическихъ отношеніяхъ. Развѣ не было еще въ прошломъ вѣкѣ замѣчательно проницательныхъ писателей вродѣ Гоге (Goguet), Миллера (Millar), которые схватывали уже общія черты столь чуждаго намъ времени? Развѣ въ тридцатыхъ годахъ текущаго столѣтія Шарль Жиро не разъяснилъ, съ помощью классическихъ писателей, существованія общинной собственности у древнихъ народовъ? И его книга прошла почти безслѣдно, если не считать того, что ею пользовались въ тихомолку нѣмцы вродѣ Рудорфа въ своихъ комментаріяхъ о римскихъ землемѣрахъ (agrimensores). А Бахофенъ съ его открытіемъ «материнства» и «гинекократіи»? Развѣ не пришлось ему дожидаться почти что самаго послѣдняго времени для того, чтобы быть оцѣненнымъ по достоинству? И почему? Потому что только въ послѣднее время обстоятельства выдвинули на очередь и придали жизненный интересъ этимъ изслѣдованіямъ первобытности, — легко понять, какимъ образомъ...

Очевидно, для г. Бельтова чужія истины суть лишь истины субъективныя, т. е. «искусственныя»; та же истина, которую онъ считаетъ за таковую, есть истина объективная. Казалось бы, единственно что могъ сказать г. Бельтовъ съ исповѣдуемой имъ точки зрѣнія относительно своей теперешней истины, это слѣдующее: такъ какъ человѣчество ставитъ всегда себѣ задачи разрѣшимыя или такія, рѣшеніе которыхъ можно уже и теперь предвидѣть, и такъ какъ мои взгляды раздѣляются все большимъ и большимъ числомъ трудящихся, принадлежащихъ, по моему мнѣнію, къ дѣйствительнымъ дѣятелямъ прогресса, то мои субъективная истина стремится стать въ этомъ смыслѣ объективной, наиболѣе распространенной истиной даннаго періода. Но г. Бельтовъ твердо увѣренъ, что ему принадлежитъ монополія познанія, и противъ такого взгляда не мѣшаетъ предостеречь если не самоувѣреннаго автора, то ищущаго и сомнѣвающагося читателя...

Объективная истина—легко сказать! Сколько бѣдъ надѣлала она, съ какимъ жаромъ люди, мнившіе обладать ею, старались навязать другимъ эту ея объективность, всеобщую обязательность. Вспомнимъ только, какъ спокойный, созерцательный Гегель взывалъ къ властямъ, указывая имъ хотя бы на бѣднаго «поверхностнаго»

*) l. c., стр. 2.

Фриса (Fries), который одушевленъ, молъ, «ненавистью къ закону», какъ къ «формѣ разумности», ибо сомнѣвался въ объективной истинѣ, воплощенной въ тогдашнемъ прусскомъ строѣ *). Вспомнимъ, какъ наоборотъ эта разумность, эта «объективная истина» совпадала для Гегеля до трогательности съ этимъ самымъ строемъ **). Увы, не прошло и двадцати лѣтъ, и окристаллизовавшаяся въ Пруссіи объективная истина въ значительной степени испарилась, оставивъ по себѣ довольно сомнительной чистоты осадокъ!

Самоувѣренность толкаетъ порою нашего автора на очень рискованныя предпріятія. Такъ на стр. 78 и слѣд. г. Бельговъ бичуетъ «круглое невѣжество» тѣхъ, которые не знаютъ, что трехчленное развитіе путемъ примиренія двухъ противоположностей въ высшемъ единствѣ (тріада) имѣетъ въ философіи Гегеля лишь такое же значеніе, какъ у Фихте, и потому не можетъ быть названо отличительной особенностью гегельянской системы и во всякомъ случаѣ—не играетъ въ ней роли «довода». Все это слишкомъ смѣло, очень невѣрно и основано на умышленномъ употребленіи такого неопредѣленнаго въ данномъ случаѣ слова, какъ «доводъ».

Конечно, трехчленный методъ составляетъ вещь, общую и Фихте и Гегелю. Да это такъ и должно быть, ибо система Гегеля является синтезомъ системъ Фихте и Шеллинга, грандіозной попыткой примѣнить именно діалектическій способъ перваго къ отождествленію мысли и бытія у второго. Во всякомъ случаѣ, «доводъ» тамъ или не «доводъ», но тріада играетъ роль основной, руководящей идеи у Гегеля. Она проходитъ черезъ всю архитектуру громаднаго зданія его философіи и повторяется въ каждомъ изъ ея отдѣловъ: общій планъ, расположеніе частей, переходъ отъ одной къ другой,—все построено на тріадѣ. Абсолютный духъ развивается тройственно-діалектически: мысль вообще—природа—духъ. И философія тоже расчленяется на три соотвѣтственныя части: логику, философію природы, философію духа. Въ логикѣ новая тріада: чистое бытіе, существо, понятіе. Въ ученіи о чистомъ бытіи опять троица: качество, количество, мѣра. Въ ученіи о качествѣ то же: бытіе, ничто и «становленіе» (Werden), какъ переводили у насъ раньше Гегеля; съ другой стороны бытіе противоставляется «тубытію» (Dasein) и переходитъ въ «для себя бытіе» (Fürsichsein).

---

*) „Ohnehin hat die sich so nennende Philosophie es ausdrucklich ausgesprochen, dass *das Wahre selbst nicht erkannt werden könne*, sondern dass diess das Wahre sey, was jeder über die sittlichen Gegenstände, vornehmlich über Staat, Regierung und Verfassung, sich *aus seinem Herzen, Gemüth und Begeisterung aufsteigen* lasse". См. введеніе въ его Rechtsphilosophie Berlin, 2-е изд. 1840, стр. 10, и слѣд.

**) „Die Regierung ruht in der Beamtenwelt, und die persönliche Entscheidung steht under Spitze". См. Philosophie der Geschichte того же изданія, стр. 545.

и т. д. и т. д. вплоть до высшихъ ступеней странствованій духа: искусства, религіи, философіи.

И Гегель именно тѣмъ и замѣчателенъ, что къ каждому явленію, къ каждой идеѣ онъ прилагалъ свою тріаду, и каждую идею выводилъ изъ предшествующей,—часто выводилъ очень ловко и какъ истый виртуозъ, но порою ради тріады перетасовывалъ лица и событія по своему и умывалъ, такъ сказать, притомъ руки: не моя, молъ, вина; тѣмъ хуже для хронологическаго порядка, если онъ не совпадаетъ съ логическимъ *). Такъ вотъ какую роль играла у Гегеля тріада!..

Переходя къ практическому значенію гегелевскаго метода, можно сказать вообще, что тамъ, гдѣ дѣло идетъ о явленіяхъ сознанія, онъ порою даетъ блестящіе результаты, и построенія его въ этой сферѣ не только очень красивы, но и плодотворны. Ланге въ одномъ мѣстѣ сказалъ, что въ примѣненіи къ исторіи гегелевскую мысль о развитіи путемъ противорѣчій и ихъ уравновѣшенія «можно было бы назвать почти антропологическимъ открытіемъ» **). А въ другомъ онъ отыскиваетъ культурно-историческія основанія этого закона противоположностей ***). Но въ примѣненіи къ явленіямъ, гдѣ отсутствуютъ сознаніе, гдѣ дѣло идетъ о космическихъ, біологическихъ и чисто-физіологическихъ явленіяхъ, гегелевскій методъ во всякомъ случаѣ покоится лишь на недоразумѣніи да на самомъ страшномъ антропоморфизмѣ, положительно напоминающемъ любовь и ненависть въ философіи Эмпедокла.

И въ самомъ дѣлѣ, развѣ не антропоморфизмъ хотя бы слѣдующее философское обоснованіе Гегелемъ процесса пищеваренія: «Цѣлое пищеваренія состоитъ въ томъ, что организмъ, приводя себя въ *тонъ* по отношенію къ внѣшнему міру (das Aeussere), раздвоегъ себя въ себѣ»? ****). А вѣдь споръ г. Бельтова противъ г. Михайловскаго насчетъ того, какъ ростетъ овесъ, по Гегелю, т. е. путемъ противорѣчій, или нѣтъ, какъ разъ основанъ на такомъ антропоморфизмѣ. И цитаты изъ ботаники современнаго французскаго ученаго Ван-Тигема, которыя г. Бельтовъ приводитъ въ доказательство (стр. 92), заставятъ непредубѣжденнаго читателя лишь пожать плечами. Въ самомъ дѣлѣ, что говоритъ ботаникъ? Что «ра-

*) Посмотрите, что говоритъ по этому поводу хотя бы Виндельбандъ, который отводитъ Гегелю очень важное мѣсто въ исторіи философской мысли: «На данномъ матеріалѣ онъ развивалъ произволъ конструирующаго мышленія, который представлялъ дѣйствительность не такъ, какъ она является эмпирически, а такъ, какъ она должна была бы быть въ діалектическомъ развитіи, и это насиліе надъ фактомъ (*Vergewaltigung des Thatsächlichen*) могло становиться сомнительнымъ, когда онъ пытался вносить эмпирическій матеріалъ въ философскую систему» (W. Windelband, Geschichte der Philosophie; Freiburg—i.—B., 1892, p. 482.

**) Arbeiterfrage; Winterthur, 1870, 2-е изд., стр. 237.

***) Geschichte des Materialismus; Iserlohn, 1873, 2-е изд., стр. 42.

****) Vorlesungen über die Naturphilosophie; стр. 628.

стеніе воспроизводится такъ же, какъ и родится: *диссоціаціей*». Но хоть г. Бельтовъ и подчеркнулъ послѣднее слово, всякому читателю ясно, что считать диссоціацію, почкованіе и пр. однимъ изъ видовъ гегеленской діалектики такъ же странно, какъ представлять себѣ химическое сродство въ видѣ сродства душъ.

III.

Наиболѣе интересными страницами въ книжкѣ г. Бельтова являются страницы 125—200, на которыхъ авторъ объясняетъ, какъ надо смотрѣть на значеніе экономическихъ условій въ общественной жизни и на ихъ отношеніе къ политическимъ, правовымъ, научнымъ и прочимъ «надстройкамъ». Каковы бы ни были результаты этой попытки, она во всякомъ случаѣ заслуживаетъ вниманія, хотя бы уже потому, что такихъ попытокъ было вообще очень мало со стороны марксистовъ и въ Западной Европѣ и у насъ: они все больше декретируютъ истинность своихъ воззрѣній, тѣмъ уясняютъ ихъ. И вотъ, тщательно продумывая взгляды автора, искренно ища истины, я долженъ сказать, что аргументація автора оставляетъ въ тѣни существенныя стороны вопроса и не достаточно убѣдительна по отношенію къ сторонамъ, выдвинутымъ на свѣтъ.

Во избѣжаніе недоразумѣнія замѣчу прежде всего читателю, что пишущій эти строки принадлежитъ къ людямъ, придающимъ важное значеніе экономикѣ,—важное, но не единственное. Между экономикой и общественными отношеніями, коренящимися въ другихъ потребностяхъ человѣка, рѣчь можетъ идти лишь о взаимномъ воздѣйствіи. Это не «монистическій взглядъ на исторію», а эклектическій, скажетъ, вѣроятно, г. Бельтовъ. На это придется отвѣтить, что можно быть монистомъ (скажемъ, «матеріалистомъ»), имѣть строго-объединенную систему и въ этой системѣ давать мѣсто — правда, различное по важности — разнымъ факторамъ общежитія. Надѣюсь, никто не назоветъ эклектикомъ химика, который признаетъ огромную распространенность въ природѣ углерода, но будетъ считаться и съ другими элементами. Конечно, въ общественной наукѣ не найдено до сихъ поръ закона, соотвѣтствующаго закону эквивалентности. Но что же дѣлать? Признаемъ этотъ фактъ и будемъ общими силами искать такой законъ, а не воображать, что онъ найденъ и что это—всемогущая экономика.

Бельтовъ очень негодуетъ на тѣхъ, кто «искажаетъ» истинный смыслъ ученія Маркса, говоря, что Марксъ сводилъ все къ «экономическому», что онъ не придавалъ значенія ни политикѣ, ни идеямъ нравственнымъ, философскимъ, религіознымъ, эстетическимъ. Нѣтъ, возражаетъ нашъ авторъ, «Марксъ не отрицалъ значенія всѣхъ этихъ понятій; онъ только выяснилъ ихъ генезисъ». И непосредственно за этимъ пишетъ слѣдующія пояснительныя строки, при-

водиція, по его мнѣнію, взгляды противниковъ къ абсурду: «Что такое электричество? Особый родъ движенія. Что такое теплота?— Особый родъ движенія. Что такое свѣтъ?—Особый родъ движенія. А такъ вотъ какъ! Вы, стало быть, не придаете значенія ни свѣту, ни теплотѣ, ни электричеству! У васъ все одно движеніе: какая односторонность, какая узкость понятій! Именно такъ, именно узкость, господа. Вы прекрасно поняли смыслъ ученія о превращеніи энергіи» (стр. 171). Думаю, что такое поясненіе не совсѣмъ точно. Развѣ, говоря строго научно, свѣтъ, теплота, электричество *генетически вытекаютъ* изъ какого-то помимо и внѣ ихъ существующаго, имъ предшествующаго движенія вообще? И свѣтъ, и теплота, и электричество представляютъ особые ряды извѣстныхъ явленій, въ которыхъ абстракція подмѣчаетъ нѣкоторые общіе законы, законы движенія вообще или механическіе. Оставаясь на почвѣ нашего сравненія, надо было бы допустить, что и въ явленіяхъ, напр., поэзіи, философіи, религіи, если наблюдатель и подмѣчаетъ что-либо общее, такъ это — экономическіе законы! Пойдетъ-ли такъ далеко г. Бельтовъ? Но это, впрочемъ, мимоходомъ...

Перейдемъ къ сути. Трудъ, производство является, по опредѣленію самого основателя теоріи, «общимъ условіемъ обмѣна матеріи между человѣкомъ и природою, природной необходимостью человѣческой жизни, независимой именно въ силу этого отъ какой бы то ни было общественной формы, или, вѣрнѣе, одинаково общей имъ всѣмъ (*«Le Capital»*, франц. изд., стр. 79). Развивая эту мысль, г. Бельтовъ съ своей стороны говоритъ на стр. 126 о природѣ человѣка, какъ о «вѣчно измѣняющемся результатѣ историческаго движенія, причина котораго лежитъ *внѣ* человѣка: чтобы существовать, человѣкъ долженъ поддерживать свой организмъ, заимствуя необходимыя для него вещества изъ *окружающей его внѣшней природы*. Это заимствованіе предполагаетъ извѣстное дѣйствіе человѣка на *эту* внѣшнюю природу. Но, дѣйствуя на природу внѣ его, человѣкъ измѣняетъ свою собственную природу». И вотъ это-то взаимодѣйствіе между человѣкомъ и природой и обусловливаетъ развитіе производительныхъ силъ. Состояніе же ихъ въ каждый данный моментъ опредѣляетъ характеръ отношеній производства между людьми, т. е. экономическую организацію, а эта организація вызываетъ уже соотвѣтствующія учрежденія политическія и юридическія, идеи религіозныя и философскія и т. д...

Начнемъ съ того, что устранимъ одно недоразумѣніе. Когда намъ говорятъ, что общественное производство, общественный трудъ есть необходимый процессъ обмѣна матеріи между природой и человѣкомъ, живущимъ въ обществѣ, мы съ этимъ вполнѣ согласны. Но вытекаетъ ли изъ этого опредѣленія, что общественное производство есть *весь* процессъ обмѣна между природой и человѣкомъ, что это производство исчерпываетъ такой процессъ? Конечно, нѣтъ.

Обмѣнъ матеріи между человѣкомъ и природой происходитъ не только въ производствѣ жизни, но въ самой жизни, значитъ во всевозможныхъ проявленіяхъ человѣческой дѣятельности.

Этнографической наукѣ не пришлось до сихъ поръ наблюдать такія первобытныя племена, которыя находились бы на границѣ зоологическаго и человѣческаго міровъ. Но если взять племя, стоящее на самой низкой ступени развитія, по сравненію со всѣми прочими наблюдаемыми племенами, мы всегда находимъ въ немъ цѣлый рядъ потребностей, которыя не принадлежатъ къ экономическимъ и которыя тѣмъ не менѣе могутъ удовлетворяться лишь въ общежитіи. Отсюда слѣдуетъ, что и общественныя формы выростаютъ не только изъ процесса производства, но и изъ другихъ родовъ коллективной дѣятельности людей.

Этому можно было бы привести безчисленный рядъ примѣровъ. Придется ограничиться, однако, двумя-тремя наиболѣе типичными. Возьмите очень дикое племя, хотя бы паумари или паммари, живущее въ Бразиліи на среднемъ бассейнѣ Пуруса, большого праваго притока Амазонки. Посмотрите, что разсказываетъ о немъ такой наблюдательный путешественникъ, какъ покойный Г. Валлисъ *). На первый взглядъ паумари покажутся прожорливыми животными, у которыхъ одна дума на умѣ: какъ бы поѣсть! Въ самомъ дѣлѣ, ихъ «аппетитъ и невыразимая жадность, съ которой они тянутся за всѣмъ, превосходитъ всякую мѣру. Они постоянно голодны, и ихъ животъ отъ многоѣдѣнія принялъ безобразную форму. Рано утромъ, не успѣетъ еще забрезжить свѣтъ, какъ они уже думаютъ о ѣдѣ, пожираютъ сырые плоды, если нѣтъ никакого жаркого, и точно также порою и среди ночи, соснувши и пробудившись, они удовлетворяютъ свой позывъ къ пищѣ». Ѣдятъ они рѣшительно все и зачастую самыя отвратительныя вещи: землю, личинки, червей, паразитовъ, которыми кишатъ, угри на лицѣ и пр. И что же? Даже у этихъ поистинѣ героическихъ поклонниковъ брюха «вопросы желудка» отступаютъ порою очень явственно на задній планъ передъ потребностями украшенія и игры, т. е. передъ вещами, изъ которыхъ у цивилизованнаго человѣка выростаетъ цѣлый блестящій міръ искусства и эстетическаго наслажденія...

Говоря о различныхъ издѣліяхъ паумари, Валлисъ замѣчаетъ: «Особенно трудно изготовленіе женскихъ ожерелій,—и надо удивляться, какъ паумари только въ состояніи, со своими первобытными орудіями и изъ твердаго матеріала, въ родѣ костей и раковинъ, изготовлять такіе искусно разукрашенные и просверленные кусочки. Эти ожерелья, которыя состоятъ болѣе чѣмъ изъ сотни косточекъ, отшлифованныхъ по большей части въ четыре грани и изукрашенныхъ вырѣзными завитушками, требуютъ для изготовленія много

*) См. Die Paumarys. Aus G. Wallis Nachlass von P. Petersen; Ausland 1886, № 14, стр. 263.

терпѣнія и труда, такъ какъ нерѣдко надъ ними работаютъ по году и болѣе. Большая часть этихъ ожерелій приготовляется ипуринами (однимъ изъ сосѣднихъ племенъ) и паумари пріобрѣтаютъ ихъ у этихъ послѣднихъ за высокую цѣну, выплачивая ее жизненными припасами». Не поразительно ли въ данномъ случаѣ могущество потребностей украшенія?

И далѣе авторъ, говоря объ общественныхъ играхъ этого племени, разсказываетъ, какъ паумари цѣлые часы проводятъ въ томъ, что, усѣвшись на своихъ челнахъ, взапуски обиваютъ веслами тропическія кушинники, дѣлаютъ видъ, будто цѣлятся въ пролетающую птицу, или, собравшись на берегу, бросаютъ важно и цѣлыми толпами черепашьи щиты въ воду. «И подобными глупостями, заканчиваетъ нашъ авторъ, увлекается одинаково и старъ и младъ».

Вообще, значеніе украшеній и игры въ жизни дикарей такъ сильно и такъ распространено, что нѣсколько времени тому назадъ иные соціологи выставляли прямо какъ принципъ развитія различныхъ потребностей у дикарей то положеніе, будто первобытный человѣкъ всегда начинаетъ лишь съ вещей, ненужныхъ или даже прямо неудобныхъ для жизни, но кажущихся ему красивыми, и лишь потомъ переходитъ къ вещамъ полезнымъ и существеннымъ. Въ самомъ дѣлѣ, вспомнимъ о тѣхъ невѣроятныхъ прическахъ, которыя дѣлаютъ изъ головы цѣлую копну отдѣльныхъ косичекъ, переклеенныхъ глиною, на приготовленіе которыхъ тратится порою больше года и которыя не даютъ возможность обладателю такой куафюры спать иначе, какъ въ страшно неудобномъ положеніи, опираясь затылкомъ на особую плашку. Вспомнимъ о дощечкахъ, вставляемыхъ въ губу (*вселе*), о кольцахъ, продѣваемыхъ въ носъ, о подтачиваніи, просверливаніи и выбиваніи зубовъ и пр.,—обо всѣхъ этихъ операціяхъ, положительно мѣшающихъ удовлетворенію экономическихъ потребностей и неестественно расширяющихъ категорію «прекраснаго» на счетъ категоріи «полезнаго».

Перейдемъ къ иной группѣ явленій. Возьмите міръ миѳологическихъ представленій со всѣми его чудесами и ужасами: колдовствомъ, направленнымъ на природу и потому безсильнымъ; колдовствомъ, обращеннымъ на людей и потому вызывающимъ самые удивительные психологическіе фокусы, и т. д. Остановитесь на самой низшей ступени религіозныхъ идей, когда дѣло идетъ лишь о произведеніи нѣкоторыхъ волшебныхъ дѣйствій съ цѣлью повліять на ходъ вещей и поступки людей въ благопріятномъ для вѣрующаго смыслѣ. И здѣсь уже этотъ вѣрующій зачастую жертвуетъ очень существенною частью реальныхъ вещей, служащихъ для удовлетворенія экономическихъ потребностей, въ пользу ожидаемаго результата, и результата сплошь и рядомъ вдвойнѣ идеальнаго: во-первыхъ, потому, что его только ждутъ и, конечно, въ большинствѣ случаевъ не дождутся, во-вторыхъ, потому что онъ нерѣдко касается не экономической, а какой нибудь другой сферы.

И этого факта нельзя прикрыть никакими софизмами въ родѣ того, напримѣръ, что какъ производитель, для полученія извѣстнаго продукта, долженъ сдѣлать извѣстный рядъ затратъ и усилій, такъ и вѣрующій налагаетъ на себя такія или иныя жертвы для возвѣщенія ихъ въ небѣ сторицею. Дѣло, молъ, лишь въ степени отвлеченія: земледѣлецъ, вѣвяя зерно землѣ, надѣется получить его черезъ нѣсколько мѣсяцевъ; приносящій жертву идолу ждетъ порою награды лишь черезъ долгіе годы, въ загробной жизни. И религія, молъ, въ этомъ смыслѣ, есть особый родъ производства не лишь дурно разсчитанный, хотя и предполагающій уже сильно-развитую способность къ отвлеченію... Но, не говоря уже о всемъ прочемъ, достаточно замѣтить, что въ самое представленіе о загробной жизни входитъ не одна лишь экономическая сторона, но и вообще вся теперешняя жизнь съ ея интересами игры, эстетики, украшенія и т. д. И даже именно эти стороны наиболѣе подчеркиваются и раскрашиваются привлекательными цвѣтами на томъ далекомъ и увеличенномъ отраженіи реальной жизни.

Наконецъ, на извѣстной ступени религіозная потребность создаетъ даже едва ли не первое раздѣленіе общества на классы, съ особыми экономическими и политическими интересами. Классъ жрецовъ, который образуется и выдѣляется изъ сѣрой однообразной массы первобытнаго племени, очень рано получаетъ и политическое значеніе, въ иныхъ случаяхъ превосходящее власть чисто политическихъ вождей. А вмѣстѣ съ тѣмъ въ рукахъ жреческаго сословія скопляются первые крупные капиталы, слагающіеся изъ пожертвованій вѣрующихъ, и накладываютъ въ свою очередь очень сильный отпечатокъ на общественное производство и обмѣнъ продуктовъ, словомъ, на весь экономическій строй племени. У того самого Липперта, котораго мелькомъ упоминаетъ г. Бельтовъ и у котораго основнымъ мотивомъ человѣческой цивилизаціи является экономическій интересъ, «попеченіе о жизни» (см. его Kulturgeschichte der Menschheit), есть цѣлое сочиненіе, трактующее о значеніи религіи въ исторіи человѣчества и, между прочимъ, о томъ, что жрецы являлись первыми владѣльцами крупнаго капитала (см. его Allgemeine Geschichte des Priesterthums).

И въ томъ самомъ сочиненіи Марціуса, которое г. Бельтовъ держалъ въ рукахъ, находимъ, что между тѣмъ, какъ у бразильскихъ племенъ политическіе «вожди не получаютъ никакихъ подарковъ или податей отъ своихъ одноплеменниковъ», а лишь «большую часть военной добычи» *), шаманы племени или Pajés, какъ ихъ называетъ Марціусъ, носятъ до извѣстной степени «политическій характеръ, поскольку они вліяютъ на рѣшеніе вождей и цѣлаго племени» и пр., и представляютъ изъ себя «замкнутое братство»

*) l. c., стр. 23.

которое имѣетъ «общій интересъ»: пріобрѣтеніе «почета, имущества и власти» *).

IV.

Далѣе, возьмемъ группу семейныхъ или — что будетъ вѣрнѣе для первобытнаго племени — родовыхъ отношеній. На стр. 138—139 своей книги г. Бельтовъ дѣлаетъ нѣкоторую косвенную уступку извѣстной самостоятельности этихъ формъ тѣмъ, что передвигаетъ эту самостоятельность въ тотъ отдаленный періодъ, когда человѣкъ былъ животнымъ, не дѣлавшимъ пока еще орудій. Но затѣмъ, полагаетъ г. Бельтовъ, началось изготовленіе орудій, развитіе производительныхъ силъ, и «семья, подобно всему прочему, подпала подъ власть экономическихъ отношеній».

Что «семья» развивалась въ сильной зависимости отъ экономики, въ томъ нечего сомнѣваться. Но напрасно авторъ забываетъ и обратную сторону вопроса, а именно, что втеченіе долгаго времени «семья», или опять таки скажемъ лучше «родъ» могущественно вліялъ на экономическія отношенія, на распредѣленіе продуктовъ и на формы собственности. Авторъ цитируетъ стокгольмскія лекціи г. Ковалевскаго (читанныя послѣднимъ по французски и вышедшія въ 1890 подъ заглавіемъ: Tableau des origines et de l'évolution de la famille et de la propriété) для того, чтобы доказать, что «приложеніе индивидуальнаго труда логически порождаетъ и индивидуальное присвоеніе. Тотъ, кто посадилъ фруктовое дерево, тотъ становится и его собственникомъ... Точно также семья жреца не имѣетъ правъ на тѣ жертвы, которыя приносятся и поступаютъ въ его личную собственность» **).

Къ сожалѣнію, г. Бельтовъ цитируетъ какъ разъ такое сочиненіе г. Ковалевскаго, въ которомъ нашъ извѣстный юристъ-соціологъ — вѣроятно, въ силу черезчуръ элементарнаго характера этихъ лекцій, — опустилъ именно тѣ существенныя ограниченія, которыя онъ сдѣлалъ въ своемъ уже часто ученомъ сочиненіи по поводу отсутствія строгаго параллелизма между индивидуальнымъ трудомъ и индивидуальнымъ присвоеніемъ. Вотъ что говоритъ въ этомъ ученомъ сочиненіи г. Ковалевскій: «Имѣя своимъ исходнымъ началомъ принципъ родового и семейнаго общенія, собственность на движимость развивается не благодаря одному лишь процессу раздѣленія труда въ предѣлахъ кровныхъ сообществъ, какъ ошибочно думаетъ г. Зиберъ, а по мѣрѣ паденія въ средѣ родственниковъ сознанія ихъ кровнаго единства... Вліяніе указываемаго имъ (Зиберомъ) фактора могло сказаться не раньше, какъ послѣ упадка

*) l. c., стр. 30—31.

**) Замѣтимъ, между прочимъ, что эта цитата ошибочно отнесена г. Бельтовымъ къ стр. 95; она находится на стр. 55 лекцій г. Ковалевскаго.

кровнаго начала, т. е. не ранѣе того момента, когда въ отдѣльныхъ членахъ семейной общины проявилось стремленіе къ выдѣленію изъ нея, къ обособленію... Моя ошибка состоитъ не въ томъ, что я недостаточно выяснилъ соотношеніе между процессомъ раздѣленія труда и процессомъ индивидуализаціи имуществъ, а наоборотъ въ томъ, что я придалъ слишкомъ большое значеніе началу личнаго труда, какъ фактору частной собственности. Иллюстрируя мою мысль примѣромъ посаженныхъ кѣмъ-либо деревьевъ, на которыя съ самаго начала возникала исключительно частная собственность посадившаго ихъ лица, я, къ сожалѣнію, сдѣлалъ невѣрный выводъ. Изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы деревья и вообще растенія, какъ движимость, не могли бы сдѣлаться собственностью всей семейной общины, а не одного посадившаго ихъ лица. Семейное пользованіе деревьями и урожаями—явленіе общераспространенное, и если бы не ошибочное отождествленіе движимости съ частной собственностью, я бы избѣжалъ этой, несомнѣнно весьма грубой, ошибки, повторяемой за мною и г. Зиберомъ» *).

Неправда-ли, читатель, очень знаменательное ограниченіе развитія собственности лишь на одномъ «экономическомъ» принципѣ «приложенія индивидуальнаго труда». И какъ разъ ограниченіе то это иллюстрируется примѣромъ «дерева». А что касается до жреца, семья котораго не имѣетъ якобы права на приношенія, то на это мы можемъ сдѣлать ограниченіе уже отъ себя. И по сіе время, напримѣръ, въ черногорской задругѣ, которая не можетъ быть уже названа вполнѣ первобытной, «священникъ, воспитанный на средства общины, долженъ отдавать ей все свое постоянное жалованье, тогда какъ плата за вѣнчаніе, крещеніе, похороны принадлежитъ лично ему» **). И такъ, какъ видите, все дѣло въ томъ, до какой степени зашло «паденіе въ средѣ родственниковъ сознанія ихъ кровнаго единства». Теперь спрашивается, на почвѣ одной-ли экономики создавался и разрушался родъ, а позже семья, возникало и падало «кровное начало»? Конечно, опытъ таки, нѣтъ, а на почвѣ вообще коллективной жизни, т. е. не только коллективнаго производства, но и коллективнаго потребленія, коллективныхъ религіозныхъ обрядовъ, коллективныхъ игръ, и проч.

Мы уже не говоримъ о томъ, что само «сознаніе» родства предполагаетъ извѣстное развитіе умственныхъ способностей, т. е. того фактора, которому придавалъ такое значеніе Бокль и которому придаютъ это значеніе нѣкоторые очень крупные представители современной науки, въ родѣ Бертело (см. его рѣчь на юбилейномъ обѣдѣ). Но совокупное значеніе семейно-родовыхъ и религіозныхъ

---

*) Современный обычай и древній законъ. Москва, 1886, т. I, стр. 128—130, passim.

**) Vivien de Saint-Martin et Louis Rousselet, Nouveau Dictionnaire de Géographie universelle; Paris, 1887, т. 3, стр. 979: статья *Monténégro*.

началъ для чисто экономическаго строя признается всѣми маломальски серьезными изслѣдователями. Приведу, какъ примѣръ, мнѣніе Гомма, которому, несмотря на нѣкоторые ошибочные взгляды его по частнымъ вопросамъ, нельзя отказать въ знаніяхъ по части археологіи и экономической исторіи: «эти утраченныя черты деревенской общины—родовое начало и религія—въ ихъ самой ранней формѣ оказывали значительное вліяніе на экономическое развитіе... Домъ былъ основою всѣхъ правъ въ деревнѣ. Единицею была нераздѣльная семья, а индивидуумъ игнорировался. Защищаемый святынею старинного семейнаго культа очага; скрѣпляемый святостью общихъ предковъ; посылающій избытокъ своихъ сыновъ для основанія выселковъ (*daughter-communities*) кругомъ, на незанятой территоріи; управляемый и представляемый старѣйшимъ мужчиной, домъ былъ занятъ членами одной крови и обладалъ сводомъ неписанныхъ законовъ и неписанныхъ религіозныхъ обрядовъ» *).

Возьмемъ еще одинъ элементъ: политическій. Въ сущности, явленія чисто-политическія—государственная власть, принудительный элементъ въ общежитіи, и пр.,—возникаютъ сравнительно поздно. Но въ зародышѣ эти явленія существуютъ уже на очень ранней ступени развитія. Они выражаются прежде всего въ томъ коллективномъ инстинктѣ самосохраненія, который проникаетъ первобытное племя, скрѣпляетъ членовъ его въ одно цѣлое и заставляетъ это цѣлое нападать на подобныя же группы или защищаться отъ нихъ. На этой почвѣ выростаютъ племенная замкнутость, жестокость, любовь къ проявленію и упражненію власти, страсть къ завоеваніямъ, духъ предпріимчивости и разнообразныя формы коллективной и индивидуальной мести. И опять таки пусть не говорятъ, что тутъ дѣло лишь въ экономикѣ...

Конечно, въ очень многихъ случаяхъ войны между первобытными племенами вытекаютъ изъ побужденій экономическихъ: отнять территорію охоты у сосѣда, ограбить его стада, превратить населеніе въ рабовъ, иногда полакомиться человѣческимъ мясомъ. Но, не говоря уже о войнахъ изъ-за женщинъ, войны эти часто ведутся просто потому, что «географическая среда», съ которой приходится считаться и т. Бельтову (см. стр. 131),—значитъ, не одна экономика, а вся совокупность природныхъ условій—вырабатываетъ такія обособленныя племена, которымъ стоитъ только столкнуться, чтобы между ними уже начались непріязненныя дѣйствія.

Приверженцы экономики очень любятъ смѣяться, когда имъ указываютъ на раннюю выработку чувства властолюбія, наслажденія властью, желанія власти ради самой власти, этого въ нѣкоторомъ родѣ политическаго «искусства для искусства». И однако это

*) G.—L. Gomme, The village community with special reference to the origin and form of its survivals in Britain; London, 1890 (изъ рядъ изданій: «The contemporary science series»).

чувство принадлежитъ къ разряду несомнѣнно существующихъ, «реальныхъ» отношеній, даже среди первобытныхъ племенъ. Путешествовалъ нѣкто Б. Шварцъ въ прилежащихъ къ Гвинейскому заливу частяхъ Африки и наткнулся тамъ на племя Бакунду, живущее въ Камерунѣ между 4° 30′ и 5° сѣверной широты. Это племя обладаетъ очень многочисленными рабами, которые приводятся изъ внутренней Африки. Рабы эти—народъ рослый, сильный, воинственный. Боясь возстанія ихъ, Бакунду отводятъ имъ особыя территоріи, нѣсколько вдали отъ своихъ полей, и рабы эти никогда не работаютъ на господъ, а живутъ себѣ на холмахъ, занимаются земледѣліемъ и составляютъ цѣлые «города рабовъ» (*slave-towns*, какъ ихъ называютъ англичане) и даже избираютъ своихъ собственныхъ королей. Теперь послушайте, что говоритъ путешественникъ объ этихъ отношеніяхъ: «Конечно, нигдѣ на землѣ рабство не выступаетъ въ такой мягкой или, вѣрнѣе, ничего не выражающей формѣ, какъ здѣсь. Господа, живущіе въ этихъ внутреннихъ частяхъ (*Hinterländern*) Камеруна, не получаютъ никакой иной выгоды отъ своихъ рабовъ, за которыхъ имъ однако приходится дорого платить, какъ то, что они могутъ лишь сказать: «мнѣ принадлежитъ столько-то и столько-то рабовъ». Но на этомъ и кончается вся выгода» *). Я думаю, что это властолюбіе, это щеголяніе чеядью сдѣлало бы честь и очень культурнымъ «господамъ»!

Чтобы покончить съ первобытными племенами, я возьму для примѣра людоѣдство и покажу на этомъ очень важномъ примѣрѣ, какъ односторонніе приверженцы экономики разсматриваютъ сложныя соціологическія явленія. Марксъ силою своего авторитета придалъ большую популярность мысли Ленгэ (Linguet),—этого реакціоннаго, но оригинальнаго писателя прошлаго вѣка,—насчетъ того, что охота есть первая форма коопераціи, а охота на людей (война) одна изъ первыхъ формъ охоты. Марксисты никогда не упускаютъ случая напомнить, что вначалѣ люди дѣйствительно охотятся за людьми, чтобы ѣсть ихъ, а затѣмъ, когда развитіе производительныхъ силъ позволяетъ это, охотятся для того, чтобы сдѣлать изъ нихъ рабовъ. Мысль о подобномъ происхожденіи рабства не нова; ее, между прочимъ, развилъ и столь нелюбимый марксистами О. Контъ. Но насчетъ войны, какъ первой формы охоты, и насчетъ людоѣдства, пробавляющагося продуктами этой охоты, поговорить стоитъ.

Послушать марксистовъ, война является на самой низшей ступени развитія однимъ изъ правильныхъ «способовъ экономическаго производства». Отсюда слѣдовало бы, что людоѣдство должно быть всего болѣе распространено у наименѣе цивилизованныхъ народовъ, у которыхъ нѣтъ иныхъ путей примѣнить «экономику» къ побѣж-

*) См. выдержки изъ книги B. Schwarz'a, Kamerun, въ Globus, 1886, т. L, № 12, стр. 190.

деннымъ, какъ направивъ ихъ въ желудокъ. Слѣдовало бы!.. Но современная антропологія показываетъ, что это далеко не такъ. Возьмите хотя бы спеціальный этюдъ Р. Андрэ, посвященный людоѣдству *). Оказывается, что, конечно, очень низкое развитіе производительныхъ силъ, въ особенности у племенъ, живущихъ въ обиженныхъ природой мѣстностяхъ, по-просту сказать вѣчная голодовка, можетъ вызвать въ иныхъ случаяхъ людоѣдство. Это было указано Пауэлемъ для австралійцевъ, Дарвиномъ для обитателей Огненной Земли, Самуэлемъ Хёрномъ (Hearne) для краснокожихъ Гудсонова залива. «Но, какъ говоритъ Андрэ, голодъ, который долженъ дать физіологическое оправданіе антропофагіи, лишь въ сравнительно рѣдкихъ случаяхъ можетъ разсматриваться за дѣйствительную причину ея» **).

Въ самомъ дѣлѣ, людоѣдство наиболѣе распространено какъ разъ у племенъ, которыя живутъ среди изобилія животной и растительной пищи, напр. у южныхъ островитянъ и въ экваторіальной Африкѣ.

Мало того, племена людоѣдовъ находятся по большей части на сравнительно высокой ступени первобытной культуры, во всякомъ случаѣ гораздо выше окружающихъ ихъ племенъ. Таковы, напр., живущіе въ верхнемъ бассейнѣ Нила Ніамъ-Ніамъ или же южные сосѣди Монбутту ***) и Абанга, обитающіе на водораздѣлѣ между Ниломъ и Конго. Таковы жители острововъ Вити или Фиджи, которые стоятъ несомнѣнно въ первыхъ рядахъ полинезійцевъ. Таковы Батаки, населяющіе плоскогорія центральной Суматры, которые поражаютъ путешественника тѣмъ, что у нихъ на-ряду съ высоко развитыми формами письменности и настоящей литературы существуетъ самое крайнее людоѣдство, занесенное даже въ ихъ законы ****).

Что же показываютъ эти факты? Людоѣдство становится постояннымъ и правильнымъ учрежденіемъ не у самыхъ низшихъ племенъ, а у племенъ сравнительно высоко стоящихъ. И почему? Потому что въ это отвратительное для насъ явленіе входятъ элементы, предполагающіе нѣкоторое развитіе человѣка и способность къ отвлеченію и какъ разъ далекіе отъ чистой экономики. Таково еще очень первобытное чувство мести (изъ котораго, замѣтимъ мимоходомъ, Дюрингъ пытался даже вывести понятіе о «правѣ»); при-

---

*) Richard Andrée, Die Anthropophagie. Eine ethnographische Studie; Leipzig, 1887

**) l. c., стр. 100—101.

***) Это тѣ самые Монбутту, о которыхъ знаменитый географъ пишетъ; они «бросаются въ битву, скрежеща зубами и крича мяса: мяса!» (Elisée Reclus, Nouvelle Géographie Universelle; Paris, 1885, т. 10, стр. 33

****) См., между прочимъ, Joachim von Brenner und Mechel, Besuch bei den Kannibalen Sumatras. Erste Durchquerung der unabhängigen Batak-Lande; Würzburg, 1894

мѣръ, Мезайясы, живущіе на Амазонкѣ, которые, по словамъ Маркуа (Маргоу), проглатываютъ куски убитаго врага, но съ такимъ чисто физіологическимъ отвращеніемъ, что немедленно же ихъ рветъ послѣ этого. Таковы, далѣе, суевѣрныя представленія о томъ, что, съѣдая врага, тѣмъ самымъ съѣдаешь его качества и получаешь такимъ образомъ сразу нѣсколько выгодъ: впитываешь въ себя мужество и геройзмъ съѣденнаго, лишаешь его духъ возможности вредить въ этой жизни и превращаешь его въ своего раба на томъ свѣтѣ. Примѣръ: Дайяки, Чиппеуэ, Маори, и т. д. Наконецъ съ развитіемъ религіозныхъ представленій людоѣдство превращается въ очень важный священный обрядъ, и это какъ разъ у народовъ, стоящихъ высоко въ культурномъ отношеніи: вспомните древнихъ Ацтековъ.

На примѣрѣ людоѣдства мы показали, какъ далеко можетъ завести приверженцевъ экономики односторонное подчеркиваніе одного элемента. Теперь намъ хотѣлось бы обратить вниманіе читателя на тѣ оговорки, которыя приходится дѣлать самому г. Бельтову, когда рѣчь заходитъ о томъ, чтобы выяснить «генезисъ» идей и представленій даннаго общества, особенно общества уже цивилизованнаго. Не безъ нѣкотораго удовольствія отмѣчаешь, напр., слѣдующую мысль автора о значеніи для общественнаго развитія той суммы понятій и чувствъ, которую г. Бельтовъ называетъ «психологіей общества». «Цѣлесообразная психологія такъ же полезна для общества, какъ хорошо соотвѣтствующіе своей цѣли органы полезны для животнаго. Но сказать, что органы животныхъ должны соотвѣтствовать условіямъ ихъ существованія, значитъ-ли это сказать, что органы не имѣютъ для животнаго значенія? Совершенно наоборотъ! Это значитъ признать ихъ колоссальное, ихъ *существенное* значеніе. Только очень слабыя головы могутъ понять дѣло иначе. Вотъ то-то же самое, какъ разъ то же самое, господа, и съ психологіей» (стр. 172).

«Господа» будутъ, конечно, очень рады, если въ результатѣ ихъ полемики съ марксистами они получатъ хоть это признаніе. Потому что «органы» животнаго, вмѣстѣ взятые, составляютъ все это животное, хотя и живущее въ данной средѣ. Стало быть, съ точки же зрѣнія г. Бельтова, психологія общества есть все общество, хотя и поставленное въ извѣстныя «условія». Это признаніе «господамъ» не мѣшаетъ запомнить, въ особенности, если они сопоставятъ его съ другимъ признаніемъ г. Бельтова, на счетъ того, что «въ развитіи человѣческой мысли, точнѣе сказать, въ сочетаніи человѣческихъ понятій и представленій есть свои особенные законы» (стр. 196); и что «идеологіи каждаго даннаго времени стоятъ въ тѣснѣйшей—положительной или отрицательной — связи съ идеологіями предшествующаго времени. Состояніе умовъ всякаго даннаго времени можно понять только въ связи съ состояніемъ умовъ предшествующей эпохи» (стр. 200).

Итакъ, опять-таки стоя на точкѣ зрѣнія самого автора, выходитъ, что и у самихъ «идеологій», т. е. у «органовъ» общества есть свои законы развитія; выходитъ, что состояніе органовъ во «всякое данное время» опредѣляется состояніемъ этихъ органовъ въ «предшествующую» эпоху. Отсюда одинъ шагъ до слѣдующаго вывода: если въ мірѣ логическомъ есть свои законы развитія, если прошлое идей опредѣляетъ ихъ настоящее, то прошлое идей этого даннаго общества можетъ вліять на настоящее и будущее идей другого общества, лишь бы между тѣмъ и другимъ былъ идейный обмѣнъ. Это какъ разъ и говоритъ въ послѣднемъ своемъ этюдѣ нелюбимый нашимъ авторомъ П. Бартъ: «Формы общественной жизни, коль скоро онѣ сдѣлались идеями, отрываются отъ почвы, породившей ихъ во времени и въ пространствѣ, ведутъ самостоятельное существованіе благодаря традиціи и географической средѣ, и могутъ въ силу этого саморазвитія оказать воздѣйствіе на области, отдѣленныя отъ нихъ и пространствомъ, и временемъ» *). Остановимся вскользь на одномъ примѣрѣ, который находится у Барта и который мы лишь разовьемъ нѣсколько по своему. Экономическій строй индусовъ отличается вообще громадной устойчивостью, и у Маркса есть очень краснорѣчивыя строки, гдѣ онъ разсказываетъ, какъ цѣлый рядъ политическихъ революцій пронесся надъ индусской земельной общиной, почти не зацѣпивъ ее. Съ другой стороны, несмотря на эту экономическую неподвижность, въ силу лишь «особенныхъ законовъ развитія человѣческой мысли» (терминологія г. Бельтова), въ Индіи возникъ и развился буддизмъ, потрясъ браманство и превратилъ его въ индуизмъ **), а, напримѣръ, въ Тибетѣ, создалъ ламаизмъ, который несомнѣнно измѣнилъ экономическія отношенія страны: здѣсь возникъ цѣлый рядъ богатыхъ монастырей, живущихъ паразитами на-счетъ народнаго труда; здѣсь ламы стали и судьями, и главными торговцами, и сборщиками десятины и проч. Въ силу чисто-логическаго закона послѣдовательности въ развитіи «идеологій» совершились измѣненія даже въ экономической сферѣ, и притомъ въ мѣстахъ, отдаленныхъ и временемъ, и пространствомъ отъ колыбели этихъ идеологій...

Во всякомъ случаѣ, если даже и допустить, что извѣстнаго сорта понятія и воззрѣнія выростаютъ первоначально лишь изъ извѣстной экономической почвы, эти понятія и воззрѣнія могутъ быть приняты къ психологіи другого общества, хотя бы экономическія отношенія послѣдняго и довольно значительно разнились отъ перваго. А разъ психологія мѣняется подъ вліяніемъ принятыхъ началъ, измѣняется и отношеніе общества къ его собственнымъ эко-

*) Paul Barth, Zu Hegel's und Marx'Geschichts philosophie, Archiv für Geschichte der Philosophie, Berlin, 1895, т. 8, выпускъ 3, стр. 323.

**) См. W. W. Hunter, the Imperial Gazetteer of India; London, 1886, 2-е изд., т. VI: India, главы V—VIII, особенно стр. 191—228 Rise of Hinduism.

комическимъ формамъ, и измѣнившіеся «органы» направляютъ его на выработку иныхъ жизненныхъ условій.

V.

Мы естественно приходимъ такимъ образомъ къ практическимъ, жгучимъ вопросамъ русской современности. Имъ и г. Бельтовъ отводитъ мѣсто въ концѣ своей книжки. Но въ этомъ-то пунктѣ и оказывается, что авторъ страдаетъ тѣмъ самымъ недостаткомъ, въ которомъ еще Лассаль (см. его введеніе въ «Системѣ пріобрѣтенныхъ правъ») упрекалъ правовѣрныхъ учениковъ Гегеля, а именно очень слабымъ фактическимъ знаніемъ тѣхъ явленій, о которыхъ они разсуждаютъ на основаніи отвлеченной формулы. Прежде всего авторъ, по обыкновенію съ очень большей развязностью, старается повернуть письмо Маркса къ г. Михайловскому въ свою пользу и увѣрить читателя, что если кто пристыженъ этимъ письмомъ, такъ это—«русскіе субъективисты»... Оно, конечно, порою удается взять быка прямо за рога. Только на сей разъ колется быкъ-то, и трудно представить, чтобы марксисты вродѣ г. Бельтова были очень довольны напечатаніемъ упомянутаго письма. Во всякомъ случаѣ, теперь уже «русскимъ ученикамъ» не придется смотрѣть на тріаду Маркса какъ на алгебраическую формулу, въ которую стоитъ только подставить числовыя данныя вмѣсто буквъ, чтобъ получить отвѣтъ на будущее Россіи. Приходится приниматься за «анализъ современной внутренней жизни Россіи» (стр. 256)...

Но на этой почвѣ «русскіе ученики» не шли до сихъ поръ дальше утвержденій и отвлеченныхъ разсужденій о неизбѣжности капитализма въ Россіи. Если кто сдѣлалъ что-нибудь полезное для «анализа» русской жизни, то во всякомъ случаѣ, не эти ученики. По отношенію къ нашему автору, для читателя очевидно одно: г. Бельтовъ изучалъ Маркса и Гегеля, держалъ въ рукахъ Марціуса и переводилъ съ греческаго по плохимъ ключамъ, но русской экономической жизни онъ не знаетъ и знать не хочетъ, полагая, вѣроятно, вмѣстѣ съ Фамусовымъ:

...«Она не родила, но по разсчету, по моему, должна родить! т. е., если реальная Россія не укладывается еще въ рамки западно-европейской формулы, то тѣмъ хуже для нея: эту формулу она не «родила» еще, но должна родить непремѣнно, хотя бы для облегченія «русскихъ учениковъ». Только незнаніемъ фактовъ и цифръ, касающихся русской экономической жизни, и можно объяснить иные взгляды автора на нѣкоторыхъ нашихъ писателей. Напримѣръ, г. Струве онъ считаетъ творцомъ такихъ побѣдоносныхъ «экономическихъ доводовъ», что противъ нихъ и «возражать нечего» (стр. 287). Тогда какъ г. Николай — онъ, по его мнѣнію, лишь «громоздитъ вороха хотя бы плохо переваренного статистическаго матеріала», да «потати и некстати цитируетъ Маркса» (275); а вся литератур-

ная дѣятельность г. В. В. заключается только въ томъ, что онъ «противорѣчитъ себѣ на каждомъ шагу въ своихъ «Судьбахъ капитализма» или въ первомъ томѣ «Итоговъ экономическаго изслѣдованія Россіи» (8).

Если бы г. Бельтовъ занялся когда-нибудь «анализомъ» русской экономической жизни, то ему пришлось бы сказать объ упомянутыхъ авторахъ нѣчто иное. Такъ, напр., книжки г. Струве (я говорю, конечно, лишь о второй, фактической, половинѣ ея) представляетъ въ частности рядъ отдѣльныхъ мыслей, однѣ изъ которыхъ заключаютъ въ себѣ долю истины, другія же цѣликомъ невѣрны; а вообще основана на очень крупномъ недоразумѣніи: авторъ все время говоритъ о разростаніи у насъ денежнаго хозяйства въ ущербъ натуральному, а воображаетъ, что описываетъ водвореніе капитализма, какъ организація крупнаго производства и улучшенія техники. «Очерки» г. Н—она являются, напротивъ, замѣчательнымъ образчикомъ мастерства, съ какимъ цифры могутъ быть употреблены въ дѣло, чтобы вскрыть смыслъ нашего капитализма, развивающагося съ верховъ, т. е. съ обмѣна, желѣзныхъ дорогъ, банковъ и проч. Что касается, наконецъ, г. В. В., то, несомнѣнно, русская наука проститъ ему неудачное путешествіе по дебрямъ «нашихъ направленій», но припомнитъ, что ему она обязана систематической и настойчивой попыткой рѣшить вопросъ объ экономическомъ развитіи Россіи на основаніи чисто экономическихъ же условій страны: ея поздняго выступленія на переполненный уже товарами всемірный рынокъ *); примѣненія послѣднихъ техническихъ усовершенствованій къ ея крупнымъ фабрикамъ и скорой насыщаемости спроса, предъявляемаго нашимъ капиталомъ на рабочія руки и т. д.

Во всякомъ случаѣ, чтобы ни говорили «русскіе ученики», серьезный фактическій «анализъ» жизненныхъ отношеній былъ сдѣланъ не ими, и этотъ серьезный анализъ показалъ: что капитализмъ развивается у насъ почти исключительно, какъ форма эксплуатаціи (ростовщической, кулацкой, скупщицкой), а не какъ форма національнаго производства; что тамъ, гдѣ капитализмъ развиваетъ производительныя силы страны—въ области крупныхъ фабричныхъ предпріятій онъ схватываетъ лишь немногіе промышленные центры; что въ области земледѣлія у насъ все болѣе и болѣе царитъ крупное капиталистическое распредѣленіе («денежное хозяйство»), но производство у нашихъ привилегированныхъ и непривилегированныхъ землевладѣльцевъ ведется по прежнему главнымъ образомъ при помощи мужицкаго инвентаря; что, наконецъ, подъ давленіемъ разныхъ тяжелыхъ условій, крестьянское независимое хозяй-

*) См. объ этомъ хроническомъ переполненіи, начиная съ 1873 г., H. Denis, La depression économique et sociale et l'histoire des prix; Bruxelles, 1895.

ство рушится, мужикъ теряетъ скотъ и бредетъ куда попало, между тѣмъ, какъ капиталъ и не думаетъ организовать земледѣліе на новыхъ началахъ.

Тутъ мы подходимъ къ вопросу объ общинѣ и разложеніи ея. «По вашему, съ обычной развязностью утверждаетъ г. Бельтовъ: по вашему, община хороша всегда и вездѣ, а по нашему отвлеченной истины нѣтъ, истина всегда конкретна, все зависитъ отъ обстоятельствъ времени и мѣста: было время когда община могла быть полезна *всему* народу; есть, вѣроятно, и, теперь мѣстности, гдѣ она выгодна для земледѣльцевъ; но мы станемъ возставать противъ такой общины, но въ цѣломъ рядѣ случаевъ община превратилась въ средство *эксплуатаціи* крестьянина. Противъ *такой* общины мы возставемъ, какъ противъ всего вреднаго для народа» (263).

Смѣлость у автора порою поразительна: «по вашему, община хороша всегда и вездѣ»! У меня, напр., нѣтъ подъ рукой сочиненій г. Михайловскаго, но я очень хорошо помню, что во время полемики, загорѣвшейся по поводу извѣстной книжки Посникова объ общинномъ владѣніи съ г. Чичеринымъ и присными его по духу, г. Михайловскій прямо высказался въ томъ смыслѣ, что изъ общины намъ нечего строить какого-то идола и преклоняться передъ ней ради нея самой, но что община дорога намъ въ силу извѣстныхъ конкретныхъ сторонъ ея, полезныхъ для живыхъ людей, для большинства русскаго населенія. Какъ это выходитъ «по вашему», о строгіе «русскіе ученики»? Что это, защита абстрактной истины со стороны г. Михайловскаго, или же недобросовѣстное отношеніе къ предмету г. Бельтова?

Споръ объ общинѣ, дѣйствительно, можетъ вестись на почвѣ «обстоятельствъ времени и мѣста». Но именно тутъ-то г. Бельтовъ и его единомышленники очень слабы. Ибо въ Гегелѣ о разложеніи русской общины въ лѣто божіею милостію 1895-е не прочтешь, а къ фактическому анализу душа у нихъ не лежитъ. Еслибы они занялись этимъ анализомъ, то имъ пришлось бы признать не только въ видѣ уступки (впрочемъ, и на томъ спасибо!), что есть «мѣстности, гдѣ община выгодна для земледѣльцевъ», но что въ большинствѣ случаевъ она и до сихъ поръ охраняетъ лучше интересы отдѣльнаго живого мужика, чѣмъ подворное владѣніе. И это скажетъ вамъ любое добросовѣстное изслѣдованіе экономической жизни, то самое изслѣдованіе, которое признаетъ, что при извѣстныхъ условіяхъ «община превратилась въ средство эксплуатаціи крестьянина». Хотя бы тотъ же г. В. В. въ своихъ «Итогахъ», которые г. Бельтовъ, очевидно, знаетъ лишь по наслышкѣ...

Дѣло-то и заключается въ этихъ извѣстныхъ условіяхъ. Но эти условія—искусственное насажденіе капитализма, возрастающія фискальныя требованія, наше законодательство объ общинѣ, — эти условія, говоримъ мы, не имѣютъ ничего общаго съ тѣми «вну-

тренними условіями діалектическаго развитія» общины, которыя, по мнѣнію «русскихъ учениковъ», должны разложить ее.

И вотъ именно люди, изучающіе русскую жизнь и ужъ, конечно, не уступающіе г. Бельтову въ любви къ русскому народу, и задаются теперь вопросомъ, какъ же избавить общину отъ этихъ внѣшнихъ условій, какъ ей помочь продѣлать высшую метаморфозу (см. хотя бы г. Н—она). И, замѣтьте, не только теоретики и интеллигенція занимаются этимъ вопросомъ. Его старается рѣшить сама жизнь, самъ русскій мужикъ. Въ газеты уже проникли свѣдѣнія о томъ, какъ на югѣ,—значитъ, даже между подворниками,—начинаютъ слагаться настоящія земледѣльческія артели, возникать настоящее кооперативное производство (см. «Торгово-промышленную Газету» и «Одесскій Листокъ» для Александрійскаго уѣзда Херсонской губерніи). Г. Бельтовъ долженъ же знать, въ какой степени мужикъ-подворникъ въ Западной Европѣ является до сихъ поръ рѣшительнымъ препятствіемъ для дальнѣйшихъ успѣховъ сочувственнаго г. Бельтову направленія жизни. Въ Германіи, напримѣръ, представители этого направленія выработали даже особый комитетъ для разсмотрѣнія вопроса о привлеченіи сельскаго населенія. А во Франціи тамошніе «ученики» пошли для привлеченія своего мужика такъ далеко, что получили за это изрядный нагоняй отъ Энгельса. При этихъ «обстоятельствахъ времени и мѣста» вопросъ о нашей общинѣ получаетъ особенное значеніе.

Рядъ практическихъ вопросовъ, обращенныхъ къ марксистамъ, привелъ въ большой гнѣвъ «русскихъ учениковъ» и особенно г. Бельтова и заставилъ ихъ высказаться болѣе или менѣе опредѣленно насчетъ того, что же они, собственно, намѣрены дѣлать въ деревнѣ. Оказывается, что они съ негодованіемъ отвертываются отъ всякой мысли о «выкуриваніи лишняго мужика изъ деревни», о «развитіи кулачества, о разрушеніи общины, объ обезземеленіи населенія», о «капитализаціи промысловъ» и т. д., и т. д. Они лишь «убѣждены въ неизбѣжности капиталистическаго процесса», который, молъ, обойдется и безъ нихъ, а будутъ «посвящать» свою дѣятельность тому, чтобы «развивать самосознаніе и отстаивать матеріальные интересы» жертвъ этого капиталистическаго процесса (см. стр. 260).

Это, конечно, очень похвально...

Вотъ вамъ община: есть въ ней многоземельныя семьи, есть и малоземельныя; между ними идетъ борьба за передѣлъ: богатыя хотятъ остаться при прежнихъ надѣлахъ, бѣдныя—произвести ранненіе. Почему г. Бельтовъ считаетъ похвальнымъ «развивать самосознаніе и отстаивать матеріальные интересы» мужика, лишь когда нужда выгонитъ его изъ деревни и будетъ онъ мыкаться по бѣлу свѣту безъ работы, а не тогда, когда у него есть еще земля, опредѣляющая его «матеріальные интересы»? Вотъ вамъ село, переполненное кустарями: идетъ въ немъ борьба между обираемыми ремесленниками и обирающими ихъ скупщиками.

Опять таки, почему г. Бельтовъ считаетъ похвальнымъ «развивать самосознаніе и отстаивать матеріальные интересы» кустаря, лишь когда кустарное ремесло уже успѣетъ превратиться въ домашнюю форму капиталистическаго производства, а не тогда, когда, помогая организаціи кустарной артели, я могу дѣйствительно улучшить положеніе рабочаго? Г. Бельтовъ, можетъ быть, скажетъ: къ чему эта мелкая форма кооперацiи, къ чему вообще эти производительныя и потребительныя товарищества? Вѣдь извѣстно, молъ, что на почвѣ капиталистическаго строя они не могутъ рѣшить вопроса. Осмѣлюсь напомнить автору, что такого рода возраженія дѣлались правовѣрными марксистами и заграницей, но оказалось, что жизнь была сильнѣе доктрины и что улучшая непосредственно матеріальные интересы даже сравнительно небольшихъ группъ объединенныхъ рабочихъ, эти самыя кооперацiи явились очень полезными орудіями выработки и «самосознанія». Посмотрите хотя бы, что дѣлается въ Германіи, Бельгіи и пр. Что касается фабричнаго рабочаго, то тутъ намъ, вѣроятно, спорить съ г. Бельтовымъ не о чемъ...

Заканчивая свою статью, я хотѣлъ бы, въ интересахъ же начинающаго автора, обратить вниманіе на одну очень некрасивую сторону его книги. Это — крайне развязный тонъ, съ какимъ онъ говоритъ о людяхъ, дѣйствительно заслуживающихъ уваженія и потрудившихся на пользу русской мысли, и вѣчное желаніе остроумничать, вѣрнѣе балагурствовать, которое, право, не идетъ къ серьезному спору между серьезными людьми. На читателя это порою производитъ такое впечатлѣніе, какъ если бы г. Бельтовъ, не довольствуясь фехтованьемъ со своими дѣйствительными или воображаемыми врагами, продѣлывалъ разные фокусы со своимъ полемическимъ клинкомъ: проглатывалъ бы его по рукоятку, ставилъ на носъ, вертѣлъ на немъ тарелки. Некрасиво, вѣдь, это!.. Вотъ г. Бельтовъ читалъ, какъ можно судить по нѣкоторымъ строкамъ, Гримма и вообще даетъ понять читателю, что знакомъ съ литературой просвѣщенія. Пусть припомнитъ онъ, что говоритъ Гриммъ объ извѣстномъ остроумцѣ Пиронѣ: вѣдь ужъ, кажется, прямо называетъ его «машиной, созданной для эпиграммъ», въ нѣкоторомъ родѣ катапультой, вѣчно мечущей болѣе или менѣе остроумныя стрѣлы. И пусть теперь г. Бельтовъ приведетъ себѣ на память одно изъ писемъ Пирона, въ которомъ тотъ наивно похвалялся, какъ онъ на одномъ обѣдѣ, за дессертомъ, «раздѣлалъ», побѣдилъ остроуміемъ самого Вольтера... Бѣдный Пиронъ! право, на разстояніи ста лѣтъ за него стыдно, за этого великаго остроумца, думавшаго, что онъ совершаетъ *inter pocula* цѣлый историческій подвигъ.

Пусть не подумаетъ г. Бельтовъ, что я привелъ этотъ примѣръ, желая уколоть автора сравненіемъ съ Пирономъ, а хотя бы г. Михайловскаго съ Вольтеромъ. Я не считаю себя вправѣ заниматься такой ранжировкой современныхъ писателей по росту. Я говорю

лишь: смотрите, даже такой чисто феноменальный остроумецъ, какъ Пиронъ, въ концѣ концовъ надоѣдаетъ своей постоянной «игрой ума», и становится вчуже и жалко и стыдно за него. А вѣдь если брать въ разсчетъ лишь одно остроуміе, то г. Бельтову далеко не только что до Пирона, а, пожалуй, и до нашего г. Буренина.. Такъ не лучше ли бросить, г. Бельтовъ, этотъ марксизмъ въ присядку!

Н. Кудринъ.